

* * *

Я в юности был правым стариком —
Воспитан в духе времени что надо,
Я знал бездумно чуть ли ни с детства,
Что было, есть и сбудется потом.

Все интересы личные поправ,
Но к судьбам человечества участлив,
Назло врагам, я был фатально счастлив,
Поскольку исторически был прав.

Но счастье в том — теперь судить берусь, —
Что, хоть и оболваненный порядком,
В судьбе моей действительно был кратким
Стальным перстом указанный мне курс.

А все ж закваска даром не прошла,
И до сих пор, как генную преграду,
Крушу в своем сознании баррикаду,
Что классовая ярость возвела.

И хоть еще нет-нет да поделю
На “наших” и “не наших” мир единый, —
Все больше, невзирая на седины,
Постичь его пытаюсь и люблю.

И стала открываться не спеша
Всему, что ждет участия и совета,
Десятки лет таимая от света
Запретная субстанция — душа.

Кому пенять, что жизнь прошла в пустом
Горенье за великую идею?..
Я был когда-то умным стариком,
И лишь теперь, глупея, молодею.

1990 г.

* * *

Куда с безоглядностью детской
За новью ни двинешь порой...
Однажды на берег турецкий
Мы вышли российской гурьбой.

Пред тем, как душе на потребу
Пуститься по лавкам в распыл,
Коптили сограждане небо,
И я заодно задымил.

И вдруг подошел ко мне мальчик —
Почуя табачный дурман,
Воздел укоризненно пальчик
И внятно сказал: “Рамазан!”

Хоть был я наслышан заране
От гидов, что нынешний март —
Тот месяц, когда мусульмане
При свете дневном не грешат,

Но что мне до них? А невольно
Злосчастный окурок гашу,
Молчу, как нашкодивший школьник,
И в сторону моря дышу.

Конфуз налицо, да к тому же
Как тут со стыда не сгоришь,
Когда седовласого мужа
Пристойности учит малыш!

Я выбросил прочь сигарету,
А память об этом грехе
Носил в себе скрытно по свету,
Пока не открылся в стихе.

1992 г.

ДАЛЯНЬ

И вновь меня пути скитаний
По зову сердца привели
К заветной пристани желаний —
На берег моря, край земли.

Так свеж и ласков встречный ветер,
Так мирно плещется волна,
И не представить, не приметить,
Что даже здесь была война.

А ведь была, и не однажды,
И не чужая, а своя,
И там, в России, знает каждый
Про эти дальние края.

Поныне в памяти и песне —
Цусима, Порт-Артур, “Варяг”,
А через сорок лет — возмездье
За попраный российский стяг.

Дрались отцы, сражались деды,
Не счесть вокруг родных могил...
Но где он днесь, венец Победы?
Кто побежден? Кто победил?

Прошла гроза над Ляодунем,
Рассеян дым, развеян мрак,
И над Далянem и Люйшунем*) —
Китайский пятизвездный флаг.

И хорошо под мирным солнцем,
Не помня зла, встречаться здесь
И россиянам, и японцам,
Когда хозяин истый есть,

Который встретит и приветит,
И даже вырастит цветы,
Чтобы врагов вчерашних дети,
Сейчас живущие на свете,
Могли их павшим принести.

... Лучистый шар над головою,
А море — глаз не оторвешь —
Лежит такое голубое,
Что Желтым и не назовешь.

1992 г.

*) Далянъ — Порт-Дальний. Люйшунь — Порт-Артур

* * *

Не обуздать страстей природу —
Распад азартен, как разврат...
Народы рвутся на свободу,
А люди вместе жить хотят.

И, презирая боль и слезы,
Впадая в алчный нетерпеж,
Страну живую без наркоза
Кромсает пограничный нож.

Корить народы непристойно
За самостоятельный выбор их —
Они и впрямь, увы, достойны
Строптивых лидеров своих.

И, разрывая братства узы,
Свободу славил бы и я,
Когда б в развалинах Союза —
Не жизнь, не Родина моя.

1992 г.

* * *

А небесным зодиакам
И кремлевские под стать —
Под каким родился знаком,
Под таким и помирать.

Каждый знак был мечен “измом”,
Кровью — каждая звезда...
Меркнут “измы”, но с вождизмом
Не расстаться никогда.

Знать, судьба у нас такая,
И роптать что толку зря —
Ведь не может быть земная
Жизнь без ада, смерть без рая
И Россия без царя.

1993 г.

* * *

Творя судьбу свою мирскую,
Я подрезал ей крылья сам:

Избрал профессию земную —
И путь заказан к небесам,

На верность присягнул кумиру —
И нет уже святынь иных...
Но подарил всевышний лиру
И заронил мне в душу стих.

И в звуках, робких и неясных,
Открылся строй души моей,
И все, к чему она пристрастна,
Само вверяться стало ей.

Любя походы и полеты,
Я обращался, как умел.
В землепроходца и пилота,
И в альпинизме преуспел.

Но все же главная отрада —
Учился я, вживаясь в роль,
Переживать чужую радость,
Переносить людскую боль.

Да сотворит себя творящий...
Теперь гадаю я о том,
А где я больше настоящий —
В своем ли облике, в ином?

Не застыт ныне свет кумиры,
Открыты взору небеса,
И если стал я не от мира,
То в этом мир повинен сам.

Так, год за годом в напряженье,
Одолеваю день-деньской
Свое земное притяженье,
Чтоб удержаться над собой.

И хоть гнетет порой усталость
И душит быта кутерьма,
Но не страшат ни хворь, ни старость,
Ни жизнь, ни даже смерть сама.

1992 г.